

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

ВОПРОСЫ ХЕТТОЛОГИИ И ХУРРИТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ИЗ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКИ КЛИНОПИСНОГО ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о соотношении индоевропейских и неиндоевропейских составных частей в лексике хеттского языка часто обсуждался в хеттологической литературе, но его успешному разрешению препятствовало почти полное отсутствие специальных историко-лексикологических исследований, посвященных отдельным словам и группам слов. Поэтому, например, было возможно отнести к числу неиндоевропейских слов такие термины, которые в действительности являются результатом развития слов (или сочетаний слов) индоевропейского происхождения. В качестве примера можно привести название родства *antiānt-*, неиндоевропейское происхождение которого предполагалось Ф.Зоммером¹ и Э.Ларошем². Как показали исследования последних лет, это слово образовалось из сочетания *anda iānt-* 'внутри вошедший' (> *antiānt-* 'зять, вошедший в дом без собственного хозяйства')³. Все морфемы, выделяемые с исторической точки зрения в существительном *antiānt-*, восходят к

1. F.Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, Stuttgart, 1947, S.43.

2. L.ON, p.134.

3. Ср. H.Güterbock, *Zu einigen hethitischen Komposita*, ("Corolla linguistica. Festschrift F.Sommer", Wiesbaden, 1955), S.54; J.Kurylowicz, *Le hittite* ("Reports for the Eight International Congress of linguists", II, Oslo, 1957), p.297. — О сходстве наблюдаемого в этом случае слияния приставки и наре-

292

индоевропейскому наследию: наречие-последок *anda(n)* (ср.ст.-лат. *endo* 'в', греч. *ἐνδον* 'внутри', лик. *ñte*⁴, лув. *anda*⁵) корень *i-* (и.-е. **ei-*, *i-* 'идти'), суффикс глагольной основы *-a-* (ср.сочетание этого же корня с родственным суффиксом в др.-инд. *uā-*, "тохарском В" *iūā-*, "тохарском А" *uā-*, лит. *jbtī*, ст.-слав. *мхати*), суффикс причастия *-nt-*. Данный пример показывает, что только детальный анализ истории каждого отдельного слова может создать прочную основу для решения вопроса о соотношении индоевропейских и неиндоевропейских элементов хеттской лексики. В настоящей статье предлагается опыт исследования истории некоторых хеттских слов индоевропейского происхождения в их взаимоотношении с неиндоевропейскими лексическими элементами.

I

Одной из отличительных особенностей лексики хеттского языка является отсутствие в этом языке общеиндоевропейского имени существительного со значением 'сон', которое имелось во всех остальных индоевропейских диалектах⁶. Это обстоятельство в особенности обращает на себя внимание потому, что в хеттском языке сохранился архаичный корневой глагол *šur-* 'спать', восходящий

чия с аналогичными фактами древнеиндийского языка см. рец.В.В. Иванова на кн. J.Kuryłowicz, *L'accentuation des langues indo-européennes* ("Вопросы языкознания", 1954, № 4), стр.130.

4. H.Pedersen, *Lykisch und Hittitisch*, 2 Aufl., København, 1949, s.23, § 39, 1.

5. H.Otten, *Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen*, Berlin, 1953, s.34, 56, 112.

6. См.: W.Porzig, *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*, Heidelberg, 1954, s.179. - Об ошибке, допущенной в этом месте книги Порцига по отношению к хеттскому языку, см.: В.В.Иванов, Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка ("Вопросы языкознания", 1956, № 2), стр. 117.

к индоевропейскому глаголу *sur-, от которого было образовано общеиндоевропейское название сна.

В большинстве индоевропейских языков этот корень засвидетельствован в именной основе с суффиксом *-no-: ст.-сл. сѣнь < *surno- (русск. сон), др.-инд. svár-na-ḥ *swe/or-no- и т.д.⁷ В некоторых индоевропейских диалектах эта основа стала уже в древнюю эпоху непроизводной и послужила для образования вторичных глаголов: лит. varnuoti 'видеть во сне' (лит. sąnas 'сон'), латыш. varņūt 'видеть во сне' (латыш. sapnis 'сон', 'сновидение'), ср. греч. ὑπνώω 'сплю' (уже у Гомера). В других диалектах засвидетельствованы производные глаголы, образованные не от именной основы *swe/orno-/*surno-, а непосредственно от корня *swer-/sur-: ст.-слав. съпати, русск. спать, др.-англ. swe-fan 'спать', др.-нем. swefan, др.-исл. sofa, ср.-лат. sōpio 'усыпляю'. В древних индоиранских языках представлен ряд употребительных глагольных основ, образованных от данного корня (др.-инд. svar-, авест. hvar-); однако даже в ведийском, особенно хорошо сохраняющем корневые формы, соответствующий корневой глагол непосредственно не засвидетельствован. Корневая основа sur- в "Ригведе" представлена только в отглагольном прилагательном prasúr- 'дремлющий' (из pra+sur-), встречающемся лишь один раз в IX мандале (им.пад.мн.ч. муж.р. prasúras (sótāsas) (Rg-Veda, 78I,6). Искажение соответствующего места в "Самаведе" в prasútas указывает на то, что корневые формы от sur- очень рано перестали употребляться в ведийском, благодаря чему prasú-

7. Об огласовке ср. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938, стр.172, 175; К.Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 2 Aufl., Bd.II, fasc.I, Strassburg, 1889, S. 260, § 181; см. также: М.Mayrhofer, Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende ("Studien zur indogermanischen Grundsprache", herausgegeben von W.Brandenstein, Wien, 1952).

рас в сочетании с *sōmāsas* (им.пад. мн.ч. от *soma-*) было переосмыслено как производное от глагола *su-* 'давить', 'выжимать сок', часть сочетающегося в "Ведах" с существительным *soma-* ('сок, *sōma*').

Если существование в древнеиндийском языке восходящего к корню **swer-* корневого глагола можно только предполагать для древнейшего периода развития языка на основе ведийской формы отглагольного прилагательного *grasūras*, то в хеттском языке засвидетельствованы личные формы этого глагола⁸/ср. м I-an-da-az ū.UL *ḫu-up-ta-ri* 'ночью (он) не спит' (Кув, IV 47, I, 3)]. Наряду с редко встречающимся корневым глаголом *ḫur-* 'спать' в хеттском языке существовал производный глагол *ḫurpariḫa-* 'спать', ср. причастие *ḫurpariḫant-* (им.пад. *ḫurpariḫanza*)⁹. Глагол *ḫurpariḫa-* принадлежит к немногочисленной группе архаичных хеттских глаголов на *-ariḫa-*. Первоначально эти глаголы были производными от именных основ на *-ri-*, но постепенно в глаголах этой группы происходило морфологическое переразложение, связанное с

8. Наличие корневого глагола *-ḫur-* 'спать' в хеттском установлено И.Фридрихом [*J. Friedrich, Zum hethitischen Lexikon, JCS, JCS.I, 4, 1947, s. 294*]. – В указанной статье Фридрих высказал также предположение, что в КВо, V 4, II, 38 засвидетельствован этот же корневой глагол, а не глагол *ḫurḫ-* (с тем же значением), и соответственно предложил чтение *ḫu-up-ta!-ri* вместо *ḫu-up-ḫa-ri*. Однако, учитывая наличие в хеттском языке большого числа глаголов с древним суффиксом *-eḫ-/-ḫ(ḫ)-*, можно признать и возможность существования производной основы *ḫurḫ-* 'спать' наряду с корневым глаголом *ḫur-*. Но из-за отсутствия параллельных мест в других опубликованных текстах окончательное решение этого вопроса в настоящее время не может быть дано.

9. Н. Ehelolf, *Heth. milit*, 'Honig', OLZ, 1933, I, Sp. 3;
Е. Н. Sturtevant, JAOS, 56, p. 282-284.

исчезновением имен на -ri-¹⁰. Так же как *šurpariḡa-* соотносился только с *šur-*, глагол *gimṡant-ariḡa-* 'зимовать' сопоставлялся непосредственно с *gimṡant-* 'зима', а глагол *šakuṡandariḡa-* по-видимому, соотносился с причастием *šakuṡant-*¹¹. К этой же группе глаголов на -ariḡa-, где соответствующие именные основы на -ri- уже исчезли, возможно, принадлежал и глагол *genuriḡa-*, который, по предположению Г.Бранденштейна, связан с *genu-* 'колено'¹². Но первоначально все эти глаголы должны были иметь соответствующие имена на -ri-, от которых они и были образованы¹³. Об этом свидетельствует хеттский глагол *etriḡa-* 'кормить', соотносящийся с именем существительным *etri-* 'еда', а также глагол *rangariḡa-* 'увеличиваться', родственный окаменевшей форме творительного падежа *rangarit* 'целиком', 'целой массой'¹⁴. Причастие *šurpariḡant-* по своей структуре может быть сопоставлено с *išmeriḡant-* 'взнузданный', которое, как недавно показал Э.Ларош, связано с *išmeri-* 'вожа'¹⁵.

10. См.: В.В.Иванов, Происхождение и история хеттского термина *ranku* 'собрание', ВДИ, 1957, № 4, стр.25.

11. О значении этих слов см. Fr, HW, S.178.

12. G.G.von Brandenstein, *Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen*, Berlin, 1943, S.40,93. - В свете указанных ниже данных о связи глаголов на -riḡa с основами на -r/n- *genuriḡa-* можно сравнить с арм. *sunr* 'колено'.

13. А.Гётце [*A.Götze*, Tunn., p.75] и Стертевант [*E.H.Sturtevant-E.A.Nahn*, HG, I, p.80] для объяснения глаголов *gimṡandariḡa-* и *šakuṡandariḡa-* предполагают существование именных основ *gimṡandari-* и *šakuṡandari-* (другие слова этой группы ими не привлекаются).

14. Обоснование предлагаемого здесь перевода формы *rangarit* (несколько отличного от общепринятого), см.: В.В.Иванов, Происхождение и история хеттского термина *ranku* 'собрание', стр.26-28.

15. E.Laroche, *Études de vocabulaire*, V, RHA, 1956, XIII, 57, p.81-83. - Э.Ларош считает *išmeriḡant-* прилагательным, но оно

Необходимо подчеркнуть, что группа глаголов на *-arija-* в хеттском языке была непродуктивной. Глаголы *etrija-*, *šuppari-ia-*, *genurija-*, *rangarija-* встречаются редко, при этом главным образом в текстах архаического характера (*rangarija-* засвидетельствовано в древнехеттском документе царя Телепинуса, 2 votu 23 A, П, § 27,31,33; *genurija-* — в ритуальном тексте Во 2383; *etrija-* — в Хеттских Законах, § 100). С постепенным исчезновением глаголов на *-rija-* в новохеттский период может быть связано появление необычной формы *gim-ma-an-ta-an-zi* (вместо обычного *gimmantarijanzi*) в новохеттском тексте анналов Мурсила (КВо, IV 4, об. IV, 55)¹⁶. Вместо *gimmantarija-*, принадлежащего к отмирающему типу глаголов, в этом тексте употреблен глагол *gimmanta-*, относящийся к одному из продуктивных типов отыменных глаголов новохеттского периода. Следовательно, процесс исчезновения глаголов на *arija-* происходил параллельно с процессом исчезновения именных основ на *-ri-*, от которых были образованы эти глаголы.

Поскольку глаголы на *-arija-* были непродуктивным, архаичным классом, исключена возможность образования глагола *šuppariia-* непосредственно от *šup-* при помощи суффикса *-arija-*. Иначе говоря, на основании рассмотренных словообразовательных соотношений можно утверждать, что глагол *šuppariia-* был образован от именной основы **šuppari-*, не сохранившейся в письменный период истории хеттского языка. Для исследования происхождения основы

может быть и причастием, что более соответствует как семантике слова, так и закономерностям словообразования, обнаруживаемым в рассматриваемой группе слов. В этом случае следует предположить существование глагола **išmeriia-*.

16. А. Гётце [A. Götzе, AM, S. 140, Anm. d] считал эту форму "необъяснимой", а Фридрих объяснял ее ошибкой писца [J. Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, Bd. II, Heidelberg, 1946, S. 4, Anm. 5].

*šupari- необходимо рассмотреть те именные основы того же типа (на -ri-), которые сохранились в хеттском языке.

О древности именной основы etri- 'еда' свидетельствует уже то, что образованный от нее глагол etriā- находит соответствие в лув. adri-¹⁷. Родственные именные основы на -r-, образованные от индоевропейского корня *ed-, имеются в литовском языке: лит. ed-rū-s 'прожорливый', 'всеядный', ed-rà- 'корм (для животных)', žuv-édra 'чайка' (сложное слово со значением 'рыбодед'), ср. также литовские глаголы ėdroti, ėdrineti, ėdrauti 'есть (о скоте)', 'пасться', 'пощипывать траву' и хет. etreḫk- 'кормить (скот)'. Суффикс *er-, отраженный в хеттских и литовских основах на *-r-i, *-r-u-, *-r-o-, находится в закономерном чередовании с суффиксом *-en- в лат. ēdo, edōnis 'обжора'¹⁸, др.-в.-нем. -ezzo в сложных словах (man-ezzo 'людоед'), ср. суффикс *-eno- в др.-инд. bānaṃ 'корм', родственном греческому ἔδανον 'еда' и производным от *ed- на *-ono- в германских языках, выступающим в качестве инфинитивов. Сопоставление всех этих данных позволяет предположить, что существовало индоевропейское имя существительное гетероклитического типа, образованное от корня *ed- при помощи суффиксов *-er-, *-en-. Это предположение согласуется с фактами языка гомеровского эпоса, где засвидетельствовано существительное εἶδαρ 'еда', 'корм', принадлежащее к гетероклитическому типу (род.пад. εἶδατος). Согласно предположению И.Шмидта¹⁹, в недавнее время поддержанно-

17. См.: H. Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, S. 58.

18. Ср. также *edno 'еда', предполагаемое В. Лизани на основании формы ednoisi, которую он выделяет в надписи Дуэноса (V. Pisanì, Testi latini arcaici e volgari con commento glottologico ("Manuale storico della lingua latina", III, Torino, 1950)).

19. J. Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar, 1889, S. 173.

му Э.Швицером²⁰, это слово восходит к * $\tilde{\eta}\delta\alpha\rho < *ēd\tilde{r}$, чередующемуся с * $\tilde{\eta}\delta\alpha\tau$ - из * $\tilde{e}d\text{-}nt$ - (ср. хеттское причастие ad-ant- от ed-). Таким образом, в хеттском etri отражено индоевропейское имя существительное гетероклитического типа на $-r/n$.

На основании таких фактов автор настоящей статьи пришел к выводу, что хеттские именные основы на $-ri$ являются результатом присоединения суффикса $-i-$ к индоевропейским основам на $-r$ - гетероклитического типа²¹. Дополнительным подтверждением этого вывода служит недавнее открытие Э.Лароша, который показал, что хеттское существительное išmeri связано с индоевропейской основой гетероклитического типа * $\text{is}m\text{-}r$: * $\text{is}m\text{-}n$ - (ср. хет. išmanala- 'кучер', 'наездник' и греч. ἵμας 'постромки')²². Следовательно, уже только на основании сравнения с другими хеттскими именными основами на $-ri$ можно утверждать, что * šappari - результат развития основы гетероклитического типа.

Этот вывод вполне согласуется с результатами новейших этимологических исследований, которые показали, что индоевропейское название сна, образованное от корня * swep- , было именем существ-

20. E.Schwyzler, *Griechische Grammatik*, Bd.I, München, 1939, S.227.

21. См.: В.В.Иванов, Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры (автореферат диссертации), М., 1955, стр.8 (краткие выводы работы изложены в журнале "Вопросы языкознания", 1956, № 2, стр.147). - Ср. также статьи В.В.Иванова: "О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков" ("Вопросы славянского языкознания", № 2, М. 1957), стр.14-15; "Древнеиндийское asgam 'слеза', 'кровь' и хеттское ešraḥru 'слезы'" ("Езиковедски изследования в чест на акад.Ст.Младенов", София, 1957), стр.480-481.

22. E.Laroche, *Études de vocabulaire*, V, p.82-83.

вительным гетероклитического типа с чередованием основ на -г и на -п²³. В большинстве индоевропейских языков отразилась основа на -п-, но в греческом (и, возможно, в латинском) наряду с ней засвидетельствована основа на -г- (греч. ὕλαρ, ср. лат. voror)²⁴. Именно эта основа на -г- отражена и в хеттском *šurra-i-a-*. Следует отметить, что если в хеттском языке вторичный суффикс -i- был присоединен к основе на -г-, то в ряде других родственных языков тот же суффикс следует за основой на -п- (иногда с последующим тематическим *о-, откуда *iо-), ср. ст.-слав. сѣннѣ 'сновидение', греч. (εἶν)-ὕπνιον, лат. somnium, др.-инд. sváp(ī)yaṃ²⁵, латыш. sapnā 'сон', "тохарское А" šārī 'спящий'²⁶. Производные на -i- от основы *swer-п- в славянских и греческом языках обнаруживают такую же нулевую огласовку корня, как и производное на -i- от основы *swer-г- в хеттском; поэтому на огласовку хет. *šurra-i-a-* можно распространить то объяснение, которое А.Мейе дал огласовке греческих и славянских вторичных производных от этого корня²⁷. В настоящее время можно считать достоверным отражение в хеттском языке закона, по которому корень во вторичных индоевропейских производных наиболее

23. Соответствующие данные приведены в обзорной статье М.Майрхофера: M. Mayrhofer, *Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende*, S.42-43.

24. См.: H. Frisk ("Eranos", 48, 1950), S.131-135.

25. А.Мейе в кн. "Общеславянский язык" (М.1951, § 401, стр. 287) относил образование этого вторичного производного к общеиндоевропейскому периоду.

26. См. об этом "тохарском" слове: P. Poucha, *Institutiones linguae tocharicae*, I, Praha, 1955, p.339.

27. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.172. - Другое объяснение дается в указанной выше статье М.Майрхофера.

архаичного типа имел нулевую ступень огласовки²⁸. В хетт. *duja* < **turja*- 'четвертый' согласно гипотезе Зоммера²⁹, можно видеть отражение классического примера действия этого закона Бр. др.-инд. *turīva*- 'четвертый' (из **k^wtur-jo*-); тем же законом можно объяснить нулевую ступень огласовки некоторых производных от **dei-jo*- в хеттском, как и в других индоевропейских языках (см. об этих производных во второй части настоящей статьи). Этой же закономерностью объясняется как огласовка хет. *šurraija*-, так и огласовка родственных вторичных производных в некоторых других индоевропейских языках.

При помощи метода внутренней реконструкции и сравнения с родственными языками можно установить, что в хеттском языке в до-письменный период его истории была представлена индоевропейская именная основа со значением 'сон', 'сновидение', образованная от корня **swer*-. Для уяснения причин исчезновения этой именной основы в хеттском необходимо рассмотреть хеттские слова, значение которых соответствует значению этой основы.

В хеттском языке в значении 'сон', 'сновидение' употребляются формы *tešja*- и *zašja(a)i*- (*zazhi*-). Существительные *tešja*- и *zašhi*- имеют в хеттском языке одинаковое значение; оба эти существительные соответствуют идеограмме ù 'сон', 'сновидение'.

Более двадцати лет назад Гётце показал, что *tešja*-, *zašhi*- и *zazhi*- (вариант *zašhi*-) являются разными формами одного слова³⁰.

28. Ср. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.287.

29. Возражения, выдвинутые против этой точки зрения Гютербоком [H.G.Güterbock, RHA, XIV, 60, 1957], нельзя считать бесспорными.

30. A.Götze, Die Festgebete des Muršiliš ("Kleinasiatische Forschungen", I, 2, Weimar, 1929), S.232; A.Götze - H.Pedersen, MS, S.23. - А.Гётце не дал, однако, объяснения чередований, об-

В настоящее время можно установить, что аналогичные чередования характерны для передачи в хеттских текстах слов хаттского ("протохеттского") происхождения, ср. различные формы названия древнего города страны Хатти URU³¹Liḫšina, URU³¹Liḫzina³¹ и URUZi-iḫ-zi-na (Кув, XXXIII 66, III,3,20; чередуется с Li-iḫ-zi-na в том же тексте), где чередование l:z, согласно Зоммеру³², следует понимать как t:z (ср. tabarna:labarna). Такое же чередование -ḫš-:ḫz- (Liḫšina:Ziḫzina, ср. -ḫš-:-zh- в teḫša:zazḫi-) обнаруживается в хеттском слове antuḫša- 'человек', которое является заимствованием из языка хатти³³ ("протохеттского"), ср. написания an-tu-uḫ-ša-aš и an-tu-u-ḫa-aḫ-za (Кув, XII 44, III 7). Новейшими исследованиями установлено, что чередования t:z (t > z) и изменение группы ḫ характерны для хаттских ("протохеттских") собственных имен, заимствованных хеттским языком³⁴. Таким образом, фонетические особенности teḫša-/zaḫi-/zazḫi- позволяют предположить, что это слово заимствовано из языка хатти ("протохеттского"). Такое предположение подтверждается срав-

наруживаемых в этом слове, так как не знал еще других аналогичных явлений.

31. H. Ehelolf, ZA(NF) IX, S. 186, Anm. 1. — Параллелизм чередований ḫš:ḫz в этом названии города и чередований ḫš:zh в teḫša:zazḫi- отмечен Фридрихом в "Краткой грамматике хеттского языка" (§ 29, стр. 51), но также без объяснений.

32. F. Sommer, Zu den letzten Publikationen der hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin, OLZ, 1953, 48, 1/2, S. 11-12. — Аналогичное чередование предполагается Л. Р. Пальмером и в одном из эгейских языков [см.: L. R. Palmer, Mycenaean Greek texts from Pylos ("Transactions of the Philological Society", 1954, Hertford, 1955), p. 20, n. 3; p. 53b].

33. О происхождении хет. antuḫša- см.: L, HD, p. 195.

34. L, DH, p. 36, 38-39, 41-42. — О чередовании t:z не только в начале, но и в середине слова см.: Kh, PNB, S. II 6.

нением *tešḡa-* и *zašḡi-* с хаттским именем бога *tašḡaruna*³⁵. Передача этого хаттского имени бога в хеттских текстах обнаруживает разительное сходство с чередованиями, отмечаемыми в хеттском названии сна³⁶; ср., с одной стороны, *tešḡa-* и *tašḡaruna*, *tašḡaruni*, с другой стороны, *zašḡi-* и *zašḡaruna*, *zazḡi-* (согласно А.Гётце = *zaḡi-*³⁷), и *zaḡaruna*, *zaḡruna*. В хаттском имени бога *tašḡaruna* можно выделить морфему *-runa*, часто выступающую в качестве второй части имени хаттского божества, ср. *ḡate-runa* < *ḡate-* (хаттская основа, известная во многих других словах) + *runa*³⁸, *Teli-runa*³⁹ и др. Следовательно, можно утверждать, что в хаттском имени бога *tašḡaruna* выделяется морфема *tašḡa*⁴⁰, фонетическая передача которой в хеттских текстах в точности соответствует хет. *zašḡi-/zazḡi-/tešḡa-*; весьма вероятным представляется генетическое тождество хаттской

35. Об этом имени бога см.: L, DN, p.38-39.

36. Это было мимоходом отмечено Ларошем (L, DN, p.39), высказавшим на этом основании предположение о происхождении хет. *zašḡa-* из хатт. **tešḡa-* (см. L, ND, p.203).

37. А.Гётце предположил, что звуко сочетание, передаваемое двойным написанием *zašḡ-/zazḡ-*, могло бы быть передано и написанием *zaḡ-* (что в данном случае не сделано только потому, чтобы избежать смешения с существительным *zaḡḡai-* 'битва') (см.: A.Götze - H.Pedersen, MS, S.23).

38. L, DN, p.24-25.

39. Ibid., p.35.

40. Предлагаемый здесь анализ имени *tašḡaruna* отличен от гипотезы Э.Лароша, который связывает это слово с *-(a)šḡar-* 'бог' [L, EP, p.78]. Против гипотезы Лароша говорит очевидная связь *tašḡaruna* с другими именами богов, имеющими второй элемент *-runa*. Ларош выделяет в данном имени префикс *ta-*, но сам указывает на неясный характер этого префикса.

основы *tešpa-*, выделяемой в имени хаттского бога *tešparuna*, и хет. *tešpa-/zašhi-/zazhi-*, которое по фонетическим причинам следует признать хаттским заимствованием⁴¹.

Проникновение заимствований из языка хатти в хеттский язык было связано главным образом с сильным воздействием религии исконного населения страны Хатти на религию носителей хеттского (неситского) языка; поэтому большинство выявленных хаттских заимствований в хеттском языке относится к религиозной лексике. В этой связи следует подчеркнуть то, что хет. *zašhi-*, *tešpa-* (идеограмма *ṽ*) является прежде всего важным религиозным термином; это доказывается употреблением этих слов в памятниках самого разнообразного содержания и разных жанров. В автобиографии Хаттусилиса III сообщается, что в юности он был сделан жрецом богини Иштар потому, что сон, приснившийся его отцу, был истолкован как проявление воли богини Иштар; *nu* ^d*IŠTAR GA ŠA N-IA A.NA* ^m*mur-ši-li A.BI-IA ṽ-it* ^m*N I R.G A L-in ŠE Š-IA u-i-ia-at* 'и богиня Иштар, моя владычица, брата моего Муватал-лиса к моему отцу послала посредством сна (*ṽ-it* = *tešhit* или *zašhit*)' (I, I3-I4; затем излагается содержание речи Иштар, обращенной к Мурсилису). В дальнейшем повествовании Хаттусили-

41. Установление хаттского происхождения слова *tešpa-* окончательно подтверждает справедливость сомнений, которые давно уже высказывались [A.Götze - H.Pedersen, MS, S.69] по поводу попыток Стертеванта объяснить это слово как исконное индоевропейское. Сравнение с греч. *δέατο* [см.: E.I.Sturtevant, *A comparative grammar of the hittite language*, Philadelphia, 1933, p. 160] не может быть признано удовлетворительным ни с фонетической, ни с семантической стороны; характерно, что сам Стертевант, предложивший эту этимологию, в более поздних работах не возвращался к ней. Фридрих в своем словаре приводит это сравнение с вопросительным знаком [Fr, HV, S.222].

са сны ($\dot{u}$), во время которых самому Хаттусилису (I,36-37) или его жене (IV,9) являлась богиня Иштар, занимают важное место. Религиозное истолкование снов составляет основное содержание сборника обетов царя и царицы различным богам и богиням, ср., например, следующую характерную запись из этого сборника: $\dot{u}^{TUM}$ S A L L U G A L za-aš- $\dot{h}i-i$ /a- $\dot{u}a$ -/mu $\dot{d}$ L U G A L- $\dot{u}a$ -aš IQ.VI 'Сон царицы. Во сне (zaš $\dot{h}i$ a) мне бог Саррумас сказал...' (кув, XV 1, П, 42, ср. аналогичные места там же, П, 38, 40; кув, XV 5, П, 39, 42, 46; кув, V I 2, обр.сторона 8; 24, П, 15). В повествовании Мурсила о том, как он лишился дара речи, решающее значение приписывается сну, который понимается следующим образом (лиц., 9-10): nu-mu-kán za-aš- $\dot{h}i-i$ an-da Š U D I N G I R^{LI} a-aš K A X U-iš-ša-mu-kán ta-pu- $\dot{u}$ -ša pa-it 'Тогда меня во сне (zaš $\dot{h}i$) коснулась рука божества и дар речи от меня ушел' (лиц., 8-9)⁴². Соответственно при перечислении бед, от которых нужно спасти человека, в ритуале рядом называются i-da-la-mu-uš za-aš- $\dot{h}i$ -mu-uš D I N G I R^{MES}-aš kar-pi-in 'дурные сны (/и) гнев богов' (ритуал Tunpawī, § 32, III, 51). Из приведенных текстов и других аналогичных им мест хеттских памятников⁴³ явствует, что teš $\dot{h}a$ - и zaš $\dot{h}i$ - употреблялись главным образом в значении 'сон', 'сновидение', понимаемом как проявление воли божества⁴⁴. То, что teš $\dot{h}a$ - (= zaš $\dot{h}i$ -) в этом значении принадлежало к числу специальных религиозных терминов, особенно ясно проявляется в известной молитве Мурсила во время чумы. Прося бога, чтобы они открыли, в чем состоит причина их гнева, вызвавшего

42. Текст цитируется по изданию A.Götze - H.Pedersen, MS,S.4.

43. Ср. тексты, указанные в работе: F.Sommer - H.Ehelolf, Pār, S.31.

44. О понимании сна в хеттской религии как средства общения человека с богом см.: A.Götze, Kleinasien ("Kulturgeschichte des Alten Orients, Handbuch der Altertumswissenschaft", I, 3; München, 1933), S.139.

чуму, Мурсилис говорит: na-at-za-kán na-aš-šu te-eš-ḫi-it
 ú-qa-al-lu na-aš-ma-at a-ri-ia-še-eš-na-az [ḫa-an-da-i/a-
 at-ta-ru 'и пусть ее (причину гнева богов. - В.И.) либо по-
 средством сна (tešḫa-) я увижу, либо это оракулом будет установ-
 лено' (2-я молитва Мурсилиса во время чумы⁴⁵, П, § 11,3). В этом
 месте tešḫit 'посредством сна' (ср. в том же тексте, нескольки-
 ми строками выше, в § 10. '9 te-eš-ḫa-az в том же значении) вы-
 ступает параллельно с ariiašešnaz 'посредством оракула'⁴⁶. Как
 ясно из дальнейшего текста молитвы, речь идет об особом гадании
 посредством сна; tešḫa- 'сновидение' оказывается поэтому таким
 же специальным термином, как и ariiašeššar 'оракул'. Гаданию
 посредством сновидения приписывается особое значение; так Мур-
 силис молит: nu-za D I N G I R^{MEŠ} BE.LU^{MEŠ} IA pa-ra-a ḫa-an-
 da-an-da-a-tar ti-ik-ku-uš-nu-ḫa-an-du na-at-za-kán a-pí-ia
 ku-iš-ki te-eš-ḫi-it a-uš-du 'И пусть боги, мои повелители,
 явят божественное чудо, и тогда пусть кто-нибудь (из жрецов) его
 увидит посредством сна (tešḫa-)' (П, § 11). Аналогичное сочета-
 ние религиозных терминов para ḫandatar 'божественное чудо'⁴⁷ и
 zašḫi- 'сон' встречается и в других хеттских текстах, например
 в ритуале Pāpanikri, I, 43⁴⁸.

Анализ данных хеттских памятников, следовательно, приводит к
 выводу, что tešḫa-, zašḫi- - очень важные религиозные термины,
 связанные со специфическим пониманием сновидений в хеттской ре-
 лигии. Если учесть, что хеттские религиозные представления скла-
 дывались под сильным влиянием хаттской религии и что большинство
 "протохеттских" заимствований в хеттском - религиозные терми-

45. A.Götze, Die Pestgebete des Muršiliš.

46. Об одинаковой функции этих форм ср.: И.Фридрих, Краткая
 грамматика хеттского языка, стр.133, § 229 а.

47. Ср.: A.Götze, Kleinasien, S.138; E.H.Sturtevant, Hitt.,
 p. 85-86, 229.

48. F.Sommer - H.Ehelolf, Pāp, S.4.

ны, то оправданным является предположение о связи между религиозной значимостью хеттских слов *tešha-*, *zašhi-* и их "протохеттским" происхождением. Надо думать, что название 'сновидения' (понимаемого в духе хаттской религии) было заимствовано вместе с другими хаттскими религиозными терминами в период после прихода носителей индоевропейских языков в Малую Азию.

Для определения относительной хронологии влияния хаттской религии на носителей индоевропейского хеттского языка (по сравнению со временем других испытанных ими культурных влияний) существенное значение имеет хронология различных групп хеттских мифологических (эпических) текстов, изучение которых особенно продвинулось вперед за последние годы. В этих текстах явно различается наиболее древняя группа мифов (первая), связанных с "протохеттской" традицией и дошедших до нас преимущественно как составные части архаичных культовых текстов (мифы о Телепинусе и Иллуянкасе), и более поздняя группа мифологических повествований (вторая), связанных главным образом с хурритским культурным влиянием (эпос о Кумарби и другие эпические произведения, хеттские письменные версии которых относятся к эпохе Нового царства); особое место занимают мифы, сложившиеся под ханаанским влиянием⁴⁹. Если вторая группа мифологических текстов относится ко времени Нового царства (после середины второго тысячелетия до н.э.)⁵⁰, то первая группа мифов восходит к более

49. О различных группах хеттских мифологических текстов см.: Н. Otten, *Ein kanaanäischer Mythos aus Boğazköy*, MIO, I, 4, 1953, S. 146-148. - Недостатком классификации Оттена является то, что в ней не указана связь первой группы мифов с протохеттской традицией. Ср. E. Laroche, *Catalogue des textes hittites*, RHA, XIV, 59, 156, p. 105-113.

50. О хронологии влияния хурритской культуры на культуру хеттов см.: H. G. Güterbock, *The Hurrian element in the Hittite Empire* ("Cahiers d'histoire mondiale", II, 2, Paris, 1954), p. 383-394.

древней эпохе истории хеттского общества. К той же эпохе может быть отнесено и заимствование хеттским языком некоторых прото-хеттских (хаттских) культовых терминов, в том числе названия "сновидения, в котором открывается воля богов"⁵¹.

В пользу предположения о том, что *tešša-* и *zašši-* принадлежат к числу заимствований дописьменного периода, говорит то, что эти слова склоняются всегда по законам хеттской морфологии⁵² (в отличие от проникших в хеттский язык в середине второго тысячелетия до н.э. хурритских заимствований, сохранявших в хеттских текстах иноязычный морфологический облик). Эти слова не отмечались "глоссовым клином", который писцы Нового царства ставили перед словами, воспринимавшимися ими как иноязычные. О древности заимствования слова *tešša-* свидетельствует также и то, что от этого слова в соответствии с особенностями хеттского словопроизводства был образован производный глагол *teššanija-* 'являться во сне'. В особенности характерна итеративная форма *teššaneš-* 'часто являться во сне', засвидетельствованная в рассказе Мурсилиса о том, как он лишился дара речи⁵³ (лиц.7, в этом тексте *teššaneš-* употребляется в сочетании не с *tešša-*,

51. Следует отметить, что рассматривавшееся выше имя хаттского бога *zaššarunaš* упоминается в качестве имени величайшего из всех богов именно в одном из этих древнейших мифологических текстов - в мифе об Иллуянкасе (КВо, III 7, IV, I7-I9, ср. последний перевод этого текста, данный А.Гётце в рецензии на кн.: T.Gaster, *Thespis*, JCS, VI, 2, 1952, p.101). Этот миф составляет часть ритуала *purullia-*, хаттское происхождение которого твердо установлено [см.: F.Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, S.92-93].

52. См. парадигму склонения *tešša-*: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.59; парадигму склонения *zašši-* там же, стр.62; ср. также: Fr, HW, S.232.

53. A.Götze - H.Pedersen, MS.

а с *zaḫḫi-*, что лишний раз подтверждает полный параллелизм в употреблении двух этих существительных).

Глагол *teḫḫaneḫk-* принадлежит к числу продуктивных в хеттском языке итеративных глаголов на *-neḫk-*, соответствующих глаголам на *-neḫ-* в лувийском и глаголам с сочетанием носового аффикса с суффиксом **-s-* или **-sk-* в других индоевропейских языках: "тохарским А" глаголам на *-nās-* и *-nās-* (Уш и X классы), "тохарским В" глаголам на *-nāsk-*, *-nask-*, *-nāsk-* (X класс), ведическим глаголам типа *ru-nī-s-é*, догреческим глаголам типа **ku-ve-s-* 'целовать'⁵⁴. Употребление в тексте новохеттского периода такого образованного от *teḫḫa-* глагола, принадлежащего к индоевропейскому словообразовательному типу, свидетельствует о проникновении этого заимствования в хеттский язык в более ранний период⁵⁵. То, что данное заимствование вошло в словарь хеттского языка в период дописьменного развития языка, должно быть связано с отсутствием уже в древнейших хеттских памятниках существительного, восходящего к общеиндоевропейскому названию "сон".

Таким образом, отсутствие данного общеиндоевропейского слова в хеттском языке объясняется особенностями развития лексики этого языка, вызванными влиянием древней культуры исконных обитателей Малой Азии на пришедшие в страну Хатти племена, говорив-

54. См. об этом догреческом слове и его соотношении с указанными выше индоевропейскими глагольными классами рец. В. В. Иванова, на кн. W. Merlingen, *Das "Vorgriechische" und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, ("Вопросы языкознания", 1955, № 6), стр. 126 и прим. 3.

55. Другим производным от *teḫḫa-*, образованным в соответствии со словообразовательной моделью индоевропейского происхождения, может быть слово *teḫḫalli-*, если правильна интерпретация формы *[...]teḫḫallin*, предложенная Ларошем (E. Laroche [рец. на] KUB, XXXVI, OZ, 51, 9/10, 1956, sp. 420).

шие на индоевропейских диалектах. Насколько позволяет судить сравнение между собой всех индоевропейских языков, индоевропейское название "сон" было наиболее существенным образованием от корня **swer-*; показательно, что для многих индоевропейских диалектов общими были вторичные производные от этой основы (на **-o-* и на **-i-*, **-jo-*). Характерно также то, что в некоторых диалектах основа на *-n-*, ставшая непроизводной, выступает в роли, соответствующей функции общеиндоевропейского корня **swer-* (см. выше о восточнобалтийских и греческих производных типа латыш. *sapņot* 'видеть во сне'). В свете этих фактов становится очевидным, что исчезновение индоевропейского названия "сон", связанное с заимствованием близкого по значению термина из языка хатти, не могло не отразиться на роли корня *šur-* в системе хеттского языка. Как уже отмечалось выше, корневой глагол *šur-* в хеттском языке малоупотребителен; единственным производным, связанным с этим глаголом, является архаичный по типу образования глагол *šur-arija-*. Корневой глагол *šur-*, который некогда должен был играть существенную роль в лексической системе языка, утратил свою былую значимость. Но неправильным было бы предположение, что это объясняется только воздействием на хеттский язык языка хатти. О недостаточности такого объяснения свидетельствует то, что хаттские заимствования выступают главным образом в роли, соответствующей роли древних именных образований от корня **swer-*; что же касается глагольных образований, то с заимствованным из хаттского словом связан только глагол *tešhanija-* 'появляться во сне'⁵⁶ (и образованная от него итеративная форма *tešhanešk-*, см. выше), ср. также описательное выражение *tešhit* (или *zašija*) *auš-* 'видеть посредством сна (=

56. Представляется возможным, что образованию глагола *tešhanija-* могло способствовать наличие в древнехеттском языке глагола **šurpanija-*, синонимичного *šurarija-* (ср. выше о чередовании *-n-* : *-r-* в производных от корня **swer-*).

во сне)'. Большинство же глагольных (и часть именных) основ данного семантического круга образовано от хеттского корневого глагола *šeš-*, имеющего индоевропейскую этимологию.

Как отмечается в новейших хеттологических исследованиях, первоначальным значением корневого глагола *šeš-* в хеттском было не значение 'спать' (как предполагали ранее некоторые исследователи), а значение 'покоиться', 'отдыхать', 'лежать спокойно'⁵⁷. Это особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда *šeš-* в архаичных текстах относится к неодушевленным предметам, ср., например, в ритуальном предписании относительно того, что нужно делать ночью с водой, использовавшейся во время ритуальных церемоний: *nu ú-i-da-a-ar A.NA ŠA.PAL m U L^{HI}.A še-eš-zi* 'и воды останутся (= будут покоиться) под звездами' (КВо, У 2, II, 28). Со значением *šeš-* 'покоиться', 'отдыхать' связано употребление этого глагола в значении 'наслаждаться спокойствием', 'пользоваться благами мира', например во введении к архаичному мифологическому рассказу о битве бога грозы с демоном-змеей Иллуанкасом (КВо, III 7, I, 5-7); *Ud-ni-ṣa ma-a-ú še-eš-du nu-ṣa ud-ni-e ra-aḥ-ša-nu-ṣa-an e-eš-du nu ma-a-an ma-a-i še-eš-zi* 'страна (де) должна процветать (и) должна наслаждаться спокойствием, и страна (де) должна быть защищена. И если (она) процветает (и) наслаждается спокойствием...' В значении 'оставаться (в спокойном состоянии, в бездействии)', 'не двигаться' глагол *šeš-* применяется не только к неодушевленным предметам, но и к людям, в частности, когда речь идет о полководце и его войске, например в анналах Мурсилиса: *nu dU : ṣ^{SI} a-pi-e-da-ni-pat U D-ti [A.]NA URU A-ri-ip-ša-a-pat še-e-šu-un* 'и в тот день я, Солнце (титул хеттского царя), остался в городе Арипсасе' (КВо, IV = 2 Вогу, 58 в). В анналах Мурсилиса встречается

57. J. Friedrich, *Zum hethitischen Lexikon*, S. 294; E. Laroche, *Chittitica* ("Revue de philologie", 1949), p. 39; ср. L. HD, p. 211.

также выражение А.НА В Á D.К А Р А Š̃ ʒeš- 'остаться в укрепленном лагере' (КВВ, XIX 37 = 2 ВОВУ, 60,25-26).

Древнее значение корня ʒeš- отражено и в значении производного ʒašta-. Это существительное относится к числу крайне редких в хеттском языке имен с суффиксом *-to- (в других основах этого типа осуществляется морфологическое опрощение, иногда связанное с фонетическими процессами, ср. lutta- 'окно' < *luk-to- с последующим уподоблением заднеязычного смычного переднеязычному компоненту "акцессивного" сочетания согласных). Об архаичности основы ʒašta- свидетельствует как суффикс -ta-, так и чередование е:а (из *е:*о), редко встречающееся в хеттском языке при образовании отглагольного имени, но закономерное для индоевропейских отглагольных имен на *-to- (ср. греч. φέρτο-ς : φέρω и хет. ʒaš-ta-š̃ : ʒeš-). Это архаичное существительное имеет значение 'место для отдыха'; 'место, где отдыхают, находятся в бездействии'; 'место остановки', 'логово', 'убежище', 'ложе'⁵⁸. В частности, отмеченному выше употреблению ʒeš- в значении 'оставаться (в спокойном состоянии)', 'не двигаться (о войске)' соответствует употреблению ʒašta- в значении '(военный) лагерь' (ср. КВо,У 8 = 2 ВОВУ, 61а+ КВВ, XIX 36 = 2 ВОВУ, 61В,лиц., П, 28). В анналах Мурсилиса употребляется также выражение ʒašti ʒalḫ- 'напасть (на противника)', когда он не подготовлен к защите (т.е. спокоен, отдыхает, ʒeš-)' (КВо, IV 4, IV, 36-37)⁵⁹.

58. См.: F.Sommer - A.Falkenstein, HAB, S.38, 243; H.Otten, Die Überlieferungen des Telepinu-Mythus, Berlin, 1943, S.73.

59. Предлагаемый перевод, основанный на наличии у ʒeš- и ʒašta- указанных выше значений, несколько отличен от перевода этого места у А.Гётце [A.Götze, AM, S. 129] и И.Фридриха [И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.129, § 217. Ср. J.Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, II, S.1, Anm.29].

Значение глагола *šeš-* 'покоиться', 'находиться в бездеятельном состоянии (в каком-либо месте)' тесно связано со значением 'отдыхать', 'находиться в бездеятельном состоянии в постели', 'спать'; в этом последнем значении *šeš-* особенно часто употребляется в новохеттских текстах. Со значением *šeš-* 'спать', 'находиться в постели' связано и употребление этого глагола в качестве обозначения физиологического понятия типа немецкого '*beischlafen*'; '*schlafen(vom Geschlechtsverkehr*⁶⁰)'. В новохеттских текстах часто встречается сочетание *šašti šeš-*, ср., например,

60. В этом значении *šeš-* обычно выступает в сочетании с *katta(n)*. В древнехеттских текстах *šeš-* в этом значении употребляется в сочетании с дательным-местным падежом единственного числа существительного *katta(n)* + дательный-местный падеж единственного числа притяжательного местоимения, например в архаичном мифе об Иллуянкасе, КВо, III 7, I, 25 *katti-ti šeš-* (о конструкциях с *kattan* этого типа см.: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.141, § 259 в. В более поздних мифологических текстах новохеттского времени в том же значении употребляется сочетание послелoga-наречия (приставки) *katta(n)* с глаголом *šeš-*, например в "Песне Улликумми", I, табл. I, 18 (H.G. Güterbock, *The Song of Ullikummi*, JCS, V, 4, 1951; во фрагменте, впервые напечатанном Х.Оттенom [H. Otten, *Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente*, Berlin, 1950]; в мифе о Гурпаранцаху [H.G. Güterbock, *Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern*, ZA, N.F., X, 1938, 3.86], в ханаанском мифе об Ашерту [H. Otten, *Ein kanaanäischer Mythos aus Boğazköy*, 3.126]. - Сравнение архаичных текстов с текстами более позднего происхождения в данном случае позволяет проследить развитие сочетания глагола с наречием-послелогом из более древнего сочетания глагола с существительным, постепенно превращающимся в наречие и позднее приближающегося к функции приглагольной приставки (преверба).

g1š̄ ša-aš-ti... še-eš-š/e-e-er/ в мифе об Ашерт⁶¹, строка 11, и ša-aš-ti... še-eš-ta в мифе о Гурпаранцах⁶², строка 24. Поскольку глагол še- в новохеттских текстах чаще всего имеет значение 'спать', выражение šašti šeš- означает 'спать (= отдыхать)' в постели, на ложе'.

Значение 'спать', для хеттского глагола šeš- не было первоначальным, но постепенно оно стало основным. Производные, образованные от этого корневого глагола в более поздний период развития языка, связаны только со значением šeš- 'спать' (в отличие от архаичного производного šašta-, первоначально связанного с более древним значением šeš-. В этом отношении особенно показательны производные глаголы šeškiš- и šeškiša-, о позднем времени образования которых свидетельствует их морфологическая структура. Оба глагола образованы от итеративного глагола šeš- < *šes+ak-, где суффикс -ak-, как это было характерно для архаичных хеттских глаголов на -šak-, присоединился непосредственно к последнему согласному корня⁶³. Позднее суффикс -šak- в основе šeš- перестал выделяться, благодаря чему оказалось возможным вторичное присоединение суффикса -šak- к древней основе на -šak- : šešak-išak-, ср., аналогичное uškišak- от ušak- (древнее итеративное образование от au-/u- 'видеть', где -šak- уже не выделялось благодаря наличию основы auš-, ставшей непроизводной, ср. šeš- : šešak- : šeškišak- и auš- : ušak- : uškišak-⁶⁴) и du-

61. H. Otten, Ein kanaanäischer Mythos aus Boğazköy, MIO, I, 1, Berlin, 1953, S. 142. - Детерминатив G I Š̄ показывает, что имеется в виду деревянное ложе.

62. H. G. Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern, II, S. 86.

63. См. об этой особенности древних хеттских производных на -šak- : Bojan Čop, Notes d'étymologie et de grammaire hittite, RHA, XIII, 57, 1955, p. 67.

64. Параллелизм этих образований отмечен в работе А. Гётце и Х. Педерсена [A. Götze - H. Pedersen, MS, S. 67], но анализ форм 314

škišk- от dušk- 'радоваться' (ср. др.-инд. *tus-* с тем же значением). Следует отметить, что аналогичное явление - присоединение к основе на ^ш-sk- второго суффикса -bk- наблюдается и в греческом: гом. *βοσκέσκω* (μ 355) от *βοσκω* 'кормлю' (: *βώτορ*). В обоих родственных языках можно выделить два хронологических пласта основ на ^ш-sk- : более древний, восходящий к дописьменному периоду истории языка, и более поздний, обусловленный распространением итеративных основ на -sk- в относительно поздний период развития хеттского языка и некоторых греческих диалектов (в частности, в языке гомеровского эпоса). Глаголы, характеризующиеся сочетанием двух суффиксов -sk- (типа škišk-), относятся к более поздней эпохе.

Глаголы, являющиеся вторичными производными от древнего итератива šešk-, имеют обычно значение 'спать'. Глагол šeškišk-, как и šeš-, в указанных выше новохеттских мифологических текстах, сочетается с šašti 'иметь обыкновение спать в постели', см., например, KBo, IV 2, IV, 30 и сл.: ša-aš-ti-ia-aš-za-ka-n ku-e-da-ni še-eš-ki-eš-ki-nu-un 'и в которой постели я имел обыкновение спать'. Глагол šeškiša-, представляющий собой отглагольное производное на -ia- от основы šešk-, имеет значение 'спать'. С этим же значением šeš- связаны значения других производных, образованных посредством продуктивных суффиксов. Каузативный глагол с продуктивным суффиксом -nu- šašnu- (šaššanu-, итератив šašnišk-) переводится 'заставлять спать'; 'укладывать спать'; также '(sexuell) bei jemanden schlafen lassen'⁶⁵ (ср. отмеченное

глагола šeš- в ней неточен (так как не учтены факты древнеиндийского языка и поэтому нет должной ясности в определении древней непроезводной основы). Следует думать, что в новохеттскую эпоху šešk- стало вариантом непроезводной основы šeš-, но Х.Педерсен не учел того, что такая картина является результатом длительного развития.

65. О значениях глагола šaš-nu- см.: J.Friedrich, *Zum hethitischen Lexikon*, S.302.

выше физиологическое значение *katti šeš-*, *katta(n) šeš-* и существительное *šašant-* 'наложница'⁶⁶, являющееся по происхождению причастием от *šeš-*). С *šeš-* в значении 'спать' связано и отглагольное существительное *šešicaḡ*, встречающееся в поэме "Песнь об Улликумми", см. сочетание *šešicaš É.Š À-naš* 'комната (= помещение) для сна' (*Ullikummi*, табл.2, III,12). Указанные факты показывают, что *šeš-* 'спать' в новохеттский период стал центром целого гнезда производных слов. Но сравнение с архаичным производным *šašta-* и с употреблением *šeš-* в древнехеттских текстах позволяет установить, что употребление *šeš-* только в значении 'спать' и образование производных, связанных только с этим значением данного глагола, относится к сравнительно более позднему периоду развития хеттского языка.

Глагол **ses-* является общим для хетто-лувийских⁶⁷ и индоиранских языков. Спряжение на *-ti* корневого атематического глагола *šeš-* в хеттском языке полностью соответствует спряжению корневого глагола *sas-* в древнеиндийском, ср. хет. (3-е л.ед.ч.наст. вр.) *šešzi* < **ses-ti*, др.-инд. *sasti*; хет. (3-е л.ед.ч.пов.накл.) *šešiu*, др.-инд. *sastu*. В последнее время в работах по сравнительной грамматике часто приводится такая этимология, но при этом не учитывается значение *šeš-* в архаичных хеттских текстах; ср., например, замечание Э.Бенвениста (в его недавней статье об индоевропейских языках) об общеиндоевропейском корне **ses-* 'dormir' (санскр. *sas-ti*, хет. *šeš-zi* 'il dort')⁶⁸. Однако пос-

66. Об этом слове см.: E.Laroche, *Hittitica*, p.39; L,HD, p. 211.

67. Существование в лувийском языке глагола, родственного хет. *šeš-*, можно предполагать на основании встречающейся в мифологических текстах лувийской формы с "глоссовым клином"

А *ša-aš-ši-ma-a-i* (во 2567, I, 20) 'чтобы идти спать' [см.: H.Otten, *Ein kanaanischer Mythos aus Boğazköy*, S.132-133, с ссылкой на письмо X.Г.Гютербока].

68. E.Benveniste, *Les langues du monde*, Paris, 1952, p.8; ср. F.Sommer, *Nethiter und Nethitisch*, S.41.

ле того как установлено, что исходным значением ḫeḫ- в хеттском было значение 'покоиться', 'отдыхать', 'быть в бездействии', можно более точно определить значение ḫes- , так как факты ведийского языка совпадают с фактами древнехеттского языка. Ведийское vas- в некоторых ведийских гимнах имеет значение 'быть в бездействии'⁶⁹ (*ṛg-veda*, 53,1; 135,7; 161,11; 329,7); в других ведийских текстах vas- означает 'спать'. Сравнение хеттского и ведийского языков не позволяет сомневаться в том, что значение корня ḫes- 'быть в бездействии', 'покоиться', 'оставаться', 'спокойно лежать' (= спать) является очень древним⁷⁰.

Сопоставление хеттского языка с ведийским позволяет установить наличие двух индоевропейских корней с близким значением: ḫwer- 'спать' и ḫes- 'быть в бездействии', 'покоиться', 'лежать спокойно (= спать)'. Древнеиндийский язык сохраняет как корневой глагол vas- , так и глагольные основы, производные от корня svap- ; от этого корня в древнеиндийском сохраняется и именное образование на -no- : svap-na-h 'сон', 'сновидение'. Как указывалось выше, с заимствованием хаттского (религиозного) термина "сновидение", "сон" хеттский язык утратил соответствующую именную основу, являвшуюся наиболее существенным производным от корня ḫwer- . В этой связи корень в хеттском языке утратил свою прежнюю значимость. Но в то же время заимствование из языка хатти не послужило для образования глаголов, соответ-

69. H.Grassmann, *Wörterbuch zum Rig-Veda*, Leipzig, 1873, s.1494.

70. На это следует обратить особое внимание потому, что Э.Бенвенист объясняет особенности структуры этого корня его "экспрессивной сущностью" ("nature expressive") [см.: E.Benveniste, *Les langues du monde*, p.87]. - Однако эта гипотеза сомнительна, так как корень со значением 'покоиться', 'оставаться в бездействии', 'лежать спокойно (= спать)' вряд ли можно считать экспрессивным.

ствующих по значению *šur-* и производным от него (*šur-arĩa-*). Единственный глагол, произведенный от этого заимствованного слова, употребляется в значении 'является во сне' (*tešhanĩa-*, *tešhanek-*, ср. *tešhit au(š)-* 'увидеть посредством сна'). В значении же *šur-* 'спать' выступает глагол *šeš-* < **se-* и производные от него; глагол *šur-* почти полностью выходит из употребления, тогда как основным значением глагола *šeš-* становится значение 'спать'. Глагол *šeš-* в значении 'спать' в новохеттский период служит для образования большого числа производных слов. Связь употребления этих производных от *šeš-* и заимствованного из языка хатти названия "сновидение", "сон" особенно ясно можно увидеть в цитированной выше молитве Мурсилиса во время чумы. В этой молитве производный от *šeš-* глагол *šeškišk-* 'многократно спать' (о вторичном характере *-šk-* и позднем типе образования этого глагола см. выше) употребляется для обозначения того состояния, которое позволяет увидеть сновидение (*tešha-*), открывающее волю богов.

Говоря о гадании посредством сна, Мурсилис сообщает, что жрецы "будут неоднократно ложиться спать в (ритуально) чистом месте" (*su-up-ra-ia še-eš-ki-iš-kán-zi*) и после этого, обращаясь к богам, молит: "кто-нибудь (из жрецов) да увидит посредством сна (причину гнева богов)" (*ku-iš-ki te-eš-ši-it a-uš-du*, вторая молитва во время чумы, § 11, 3 и 5). Из этого текста видно, что *šeškišk-* (как само *šeš-* и другие производные от *šeš-*) употреблялось для обозначения того физического состояния ('спать', 'лежать в постели'), которое приводит к тому, что человек видит "сон" (*tešha-*, ср. *tešhit auš-* 'увидеть посредством сна'). Точно такое же сочетание глагола *šeš-* '/ложиться/спать', 'засыпать' и существительного *zašhi-* 'сновидение' встречается в ритуальном тексте КУВ. УП 5, IV, 1 и сл., где сообщается, что человек ложится спать (*še-eš-zi*), после чего во сне он видит божество: *za-aš-ši-ia a-uš-zi* 'во сне (*zašhi-*) он видит'. Для обозначения сновидения употреблялось слово хаттского происхож-

дения *teṣṭa-/zaṣṭi-*, ср. описательные выражения *teṣṭit auṣ-* и *zaṣṭiṭa auṣ-*, тогда как физическое состояние сна (= покоя, отдыха) обозначалось глаголом *šeṣ-* и производными от этого глагола⁷¹.

Вместо древних словообразовательных и лексико-семантических связей, которые сохраняет ведийский язык в соотношениях *svap-na-ḥ:svap-:sas-* в хеттском языке сложились новые соотношения между глагольными и именными основами данного семантического поля. Этот процесс можно пояснить следующей таблицей (см. таблица 1).

Таблица 1.

Развитие семантического поля "сна"

Я з ы к	Именная основа со значением 'сон', 'сновидение'	Глагольная основа со значением 'спать', 'видеть сон'	Глагольная основа со значением 'быть в бездействии', 'отдыхать', 'покойся', 'спать'
Общеиндоевропейский	* <i>swe/ep-r/n-</i>	* <i>swer-</i>	* <i>ses-</i>
Древнеиндийский	<i>svap-na-</i>	<i>svap-/sup-</i>	<i>sas-</i>
Хеттский дописьменного периода	* <i>šuppar(1)-</i>	* <i>šup-</i> * <i>šuppariṭa-</i>	* <i>šeṣ-</i>
Хеттский язык периода Нового царства	<i>teṣṭa, zaṣṭi</i> (<i>še šuṣar</i>)	(<i>šup-</i> , <i>šuppariṭa-</i>) <i>teṣṭaniṭa-</i>	<i>šeṣ-</i>

Подводя итоги рассмотрению данной проблемы, следует подчеркнуть, что, хотя изменение соотношений в системе языка в данном

71. Ср. сочетание существительного *teṣṭuṣ* 'сны' с глаголом *šuppariṭa-* 'видеть сны', 'спать' в тексте Во 706, об.24-25 (см.: L. HD, p.2II).

случае было связано с заимствованием, преобразование древней роли корня *ḫur-* нельзя объяснить только взаимодействием хеттского языка с языком хатти. Существенное значение имело изменение соотношений между исконными составными частями хеттского словаря – корневыми глаголами *ḫur-* и *ḫes-*. Именно поэтому рассмотренные факты представляют большой интерес для изучения особенностей развития общеиндоевропейской лексики в хеттском языке.

II

Несмотря на то что, как отмечалось выше, хеттская религиозная терминология испытала сильнейшее влияние хаттской (а позднее хурритской) лексики, в хеттском языке сохранились некоторые архаичные религиозные термины, унаследованные от индоевропейского праязыка. К их числу принадлежит существительное несреднего рода (в хеттском – общего рода, в других группах индоевропейских языков – мужского рода), употреблявшееся в древних индоевропейских языках для обозначения обожествляемого дневного света (греч. Ζεύς 'Зевс', арм. *tīw* 'день', лат. *deus* 'бог' и т.п.). В хеттском языке и других родственных ему индоевропейских языках Малой Азии имелся ряд производных от этой основы, очень продуктивной во всех древних индоевропейских языках. В качестве корневого слова в хеттском языке выступает основа *ḫiu-* 'бог', засвидетельствованная в надписи царя Аниттаса, которую некоторые ученые считают древнейшим памятником хеттского языка. В этой надписи *ḫiu-* встречается в сочетании с архаичным притяжательным местоимением⁷² *d ḫi-i-uš-mi-iš* 'их бог'⁷³ (2 votu 7

72. Употребление притяжательных местоимений наряду с некоторыми другими особенностями языка этой надписи подтверждает ее принадлежность к древнехеттскому периоду. См.: об архаичности языка этой надписи: Н. Otten, *Hethitisch und Indogermanisch* ("Wissenschaftliche Annalen", Jg. 2, Heft 5, Berlin, 1953), S. 37.

73. О переводе см.: Н. G. Güterbock, *Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und He-*
320

+ 30,47, ^dšī-ú-šum-m/i-in/ 'их бога' (šīušummin < *šīunšmin, где šīun- — форма винительного падежа единственного числа от šīu- 2 вогу 7 + 30, 39, 41, 47). Слово D I N G I R-uš = šī-uš (винительный падеж множественного числа D I N G I R-ми-uš = šīumiš, ср. форму винительного падежа множественного числа pargamiš от parku-и т.п.) встречается и в некоторых других текстах (форма именительного падежа единственного числа — куб. XXIV 2, лиц., 3 = I 1 3, куб. XXXIII 11, III, 18; форма винительного падежа единственного числа — куб. X 5, VI, 5; куб. XXX 35, IV, 2).

Но чаще в том же значении в хеттских текстах употребляется основа с суффиксом -n-, šīun(i)- ⁷⁴. Основа šīun- 'бог' встречается уже в древнейших текстах: в надписи царя Аниттаса наряду с šīu- в аналогичной конструкции употребляется и равнозначное šīuna (^dšī-ú-na-šum-mi-iš, 2 вогу 7 + 30, 57). Основа на -n(a) употреблялась в некоторых архаичных выражениях, ср., например, выражение šī-ú-na-an an-tu-uš-šī-iš-ša 'люди богов (прорицатели)', встречающееся в древнехеттском документе Телепинуса (П, 32); засвидетельствованная в этом сочетании архаичная форма родительного падежа множественного числа на -an ⁷⁵ встречается в нескольких текстах: šīunan (Во 2544, П, 18) ⁷⁶, D I N G I R^{MES}-

thitern, S.141, Anm.2; L, DN, p.17, 76; J.Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, II, S.98; Hethitisches Wörterbuch, S.195. — Наряду с толкованием šīuš-šmiš 'их бог' допускается также и возможность толкования šīuš-miš 'мой бог', но первый перевод следует предпочесть ввиду наличия в том же тексте формы šīu-šum-min 'их бога'.

⁷⁴. О склонении ср. E.Ehelolf, ZA, NF, IX, 1937, S.170-181; L, DN, p.16-17.

⁷⁵. Об этой форме см.: И.Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, стр.59, § 68; F.Sommer, Hethiter und Hethitisch, S.48-49.

⁷⁶. L, DN, p.16.

-nan, KUB, XXXI 143, об.4. От основы на -n-(šuni-) образовано и несколько производных слов: šuniđant-, šuniđahh⁷⁷. В другой ступени огласовки тот же суффикс засвидетельствован в основе šuđan⁷⁸, выступающей как в качестве самостоятельного слова, так и в производных словах.

С основой šuđan- следует сопоставить первую часть сложного слова šuđanz-anna, множественное число S A L M E Šš_i-u_a-an-za-an-ni-iš 'божественные матери' (наименование жриц)⁷⁹. В этом сложном слове (архаичном, как и другие немногочисленные хеттские сложные слова) засвидетельствована форма šuđanz-.

Согласно хорошо обоснованной гипотезе А.Неринга индоевропейская основа *d/e/ieu-, отраженная в хет. šiu-, принадлежала к числу существительных гетероклитического типа⁸⁰. Ввиду того что для таких существительных особенно характерно сочетание суффикса *-eu- с последующими суффиксами *-er- и *-en- (ср., например, хет. karaḫar 'рог', родственное лат. cervus и т.п.), представляется очень важным наличие в хеттском языке основы на -n-га солнца' (интерпретация Х.Оттена⁸¹, ср. ниже с лув. tiḫatt- — šiu-, šuḫan-, образованной от *diu- > šiu-. Родственная основа на -r-, возможно, отражена в лув. tiḫariḫa- 'растение бога солнца', родственным хет. šiu-). Лув. tiḫariḫa- фонетиче-

77. О значении см.: J.Friedrich, *Nethitisches Wörterbuch*, S. 194; ср. G.G.von Brandenstein, *Nethitische Götter nach Bildbeschreibungen*, S.51-52.

78. О хеттском характере этой основы см.: B.Rosenkranz, *Der luwische Name des Sonnengottes*, JCS, II,4, 1948, p.252-253.

79. Предположение Ф.Зоммера о лувийском происхождении этого сложного слова [F.Sommer, *Nethiter und Nethitisch*, S.55] ошибочно, так как в лувийском данная основа имела другой звуковой облик.

80. A.Nehring, *A neglected heteroclitic noun* ("Language", XVI, 1, 1940), p.1-II.

ски может соответствовать хеттское имя бога *Šiuri*⁸² (хотя это созвучие может быть и случайным). Вместе с тем, учитывая параллелизм -r- и -l- в хеттском и других индоевропейских языках (ср., например, хеттские и индоевропейские суффиксы имен деятеля -tala, *tel- и -tara-, *tor и т.п.), с лув. *tiḫarija-* можно сравнить лувийскую форму *tiḫ-alija*, которую Б.Розенкранц связывает с лув. *tiu-* < **diu*⁸³. Чередование суффиксов -r-, -l-, -n- в указанных производных может служить косвенным подтверждением гетероклитического характера основы *šiu-*.

Основы *šiu-* и *šiu-*, *šiu-* употребляются в хеттском языке только в значении 'бог', 'божество', но сравнение с другими словами того же корня в хетто-лувийских языках позволяет установить связь значений '(обожествляемый) дневной свет' и 'божество', отмечаемую и в родственных существительных других индоевропейских языков⁸⁴.

81. Н.Оттен, *Zur grammatikalischen...* S.51; Н.Оттен, *Hethitisch und Indogermanisch*, S.329; Н.Г.Гüterbock, *Notes on Luwian Studies*, NS, XXV, 2, Roma, 1956, p.130.

82. Тексты, в которых встречается *Šiuri*, указаны Э.Ларошем (L, DH, p.76).

83. О лув. *tiḫ-ali* см.: В.Розенкранц, *Der luwische Name des Sonnengottes*, p.252 (ср. хет. *šiuattili* 'ежедневно'); Н.Оттен, *Zur grammatikalischen...* S.66.

84. Если ур. *Šiuini* 'бог солнца' [см.: Г.А.Меликишвили, УЖН, ВДИ 1953, № 1, стр.294, № 95, строки 1 и 4; № 158, строка 39; ВДИ, 1953, № 4, стр.199, см. прим. 15 на стр.200; ср.: ВДИ, 1954, № 1, стр.192, 194, 251] является заимствованием из хеттского, то в этом древнем заимствовании отражено значение хет. *šiuini-*, более раннее, чем то, которое засвидетельствовано письменными памятниками хеттского языка (см.: ниже об общехетто-лувийском **diḫatt-* > лув. *tiḫatt-* 'бог солнца'). На сходство хеттского и урартского слов обратил внимание П.Кречмер [р.

Еще двадцать лет назад А.Гётце указал на связь между хет. *šiuu-* 'бог' и *šiuatt-* 'день', семантически точно соответствующую лат. *deus : dies* ⁸⁵. Связь значений этих хеттских существительных становится особенно понятной, если учесть то, что хет. *šiuatt-* употребляется не только в значении 'день', но и в качестве имени бога (с детерминативом, ставившимся перед именами богов): **šiu-ua-at-ta-an* (вин.пад.), куб. XX 53,У,5; в хеттских текстах часто встречается также имя бога 'хорошего (= благого) дня' *ašši-šiuatt* ⁸⁶. Хеттская именная основа *šiuatt-* встречается уже в собственных именах, известных из каппадокийских таблечек ⁸⁷, что свидетельствует о ее архаичности. Это имя восходит к периоду единства древних индоевропейских диалектов Малой Азии, как показывают недавно установленные факты языков, находящихся

Kretschmer, *Zwei eigentümliche hethitische Götternamen*, Ar.Or., XVP, 1, s.414-415/. Но в силу ошибочного понимания родственных связей урартского языка П.Кречмер не отметил того, что речь здесь может идти лишь о заимствовании из хеттского в урартский, а не об исконном родстве. Урартское *šiuini-* сопоставляется некоторыми лингвистами с хуррит. *šimike* (*šimigi*) 'бог солнца' если бы эта хуррито-урартская этимология была доказана, то сопоставление с хет. *šiuu* отпало бы. Однако сопоставление ур. *šiu-ni-* и хуррит. *šimike* (*šimigi*) с фонетической стороны нельзя считать бесспорным; поэтому вопрос о возможной связи ур. *šiu-ni* и хет. *šiuu* остается открытым.

85. См.: A.Götze - H.Pedersen, MS, S.72-73.

86. Об этом божестве см.: H.Otten, *Die Gottheit Lelvani der Boğazköy-Texte*, JCS, IV,2, 1950, p.126-127. О божестве *šiuatt* см. L, ДН, p.46, 77.

87. Ср.: A.Götze, *The Theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia* ("Language", XXIII, 3, 1953), p.263-278. - X.T.Боссерт [H.Th.Bossert, *Asia*, Istanbul, 1946, S.81/ предполагал, что имя *šimnuman* в каппадокийских таблечках также

в ближайшем родстве с хеттским. В лувийском языке засвидетельствовано имя бога солнца ^dti-ḫa-aḫ 'Тиват, бог солнца' (идеограмма ^dti-ḫa-aḫ, в косвенном падеже ^dti-ḫa-ti, полное фонетическое написание в Кув, XXXV 68,16; Кув, XXXV 91,8; фрагментарное написание ^dti-ḫa-[...] в Кув, XXXV, 108 IV,5). После того как установлено значение ^dtiḫat- в лувийском⁸⁸, это лувийское слово вместе с хеттским следует возвести к общепанатийскому (хеттско-лувийскому) *diḫat-; хет. ḫiḫatt фонетически объясняется развитием *di > ḫi (параллельно *ti > zi) в хеттском⁸⁹.

связано с данным корнем (по Боссерту, из *ḫiḫan-uman, ср. ḫiḫan в хеттских текстах), но это нельзя считать доказанным (ср., однако, суффикс в др.-инд. dyu-mn-).

88. В. Rosenkranz, *Der luwische Name des Sonnengottes*, S. 249-253; более краткое, но методически четкое обоснование см. у Х. Оттена [H. Otten, *Zur grammatikalischen...* S. 50-51].

89. Гипотеза об этом фонетическом процессе, высказанная еще двадцать лет назад в работе А. Гётце - Х. Педерсена [A. Götze - H. Pedersen, MS, S. 73], где в качестве параллели указывается развитие tj и dj в славянских языках, в настоящее время может считаться доказанной [формулировку этой фонетической закономерности см.: H. Otten, *Hethitisch und Indogermanisch*, S. 329, Anm. 16]. - Рассматриваемые явления исключительно важны потому, что они доказывают существование различия *t : *d в общехеттско-лувийском (на что до сих пор не обращено должного внимания в зарубежной научной литературе); ср. аналогичные явления в "тохарских" языках, где (согласно Эванджелисти и Педерсену) древнее различие между глухими и звонкими обнаруживается только благодаря различным результатам палатализации: d' > č, t' > c [см. В. В. Иванов, О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов ("Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исто-

Сравнение хет. *ṣiṣatt-* 'день', 'бог (благого) дня' с лув. *tiṣat-* 'бог солнца' показывает, что основа **diṣat-* в древних индоевропейских языках Малой Азии употреблялась в качестве названия обожествляемого дневного света (древнее имя, существительное несреднего рода). На значение 'свет', 'дневной свет', существовавшее в древности у данной основы, указывает также язык иероглифических хеттских надписей. Согласно новейшим разысканиям в языке иероглифических хеттских надписей имеется причастие *ta!-ṣa-da-à-mi-as* 'освещенный'⁹⁰. Это слово связано с иероглифическим хеттским названием бога солнца, как об этом свидетельствуют параллельные полуидеографические написания, например *ḏu tu-ṣa-ta-mi-as*⁹¹, где *ḏu tu* - идеограмма бога солнца. На основании сопоставления подобных написаний определяется значение иероглифического хет. *ta!-wa-ta* (*te-wa-ta*, если следовать чтению И.Гельба и П.Мериджи⁹², *ti-ṣa-ta* согласно чтению Лароша⁹³; чтение гласного в этом иероглифическом знаке еще не установлено окончательно).

рического исследования языка", М., 1967), стр.287. - Следует, однако, заметить, что по отношению к хеттскому языку вопрос осложняется близостью хет. *-z-* к *-s-* (ср. чередование *-z:-s-* в ряде хеттских слов и развитие *-z-* из и.-е. *-s-*).

90. P.Meriggi, *La ricostruzione di Kargamis* ("Rivista degli studi orientali", XXIX, 1-2, 1954, Roma), p.5. - Об иероглифических хеттских страдательных причастиях на *-mi* см.: A.Götze, *Contributions to Hittite lexicography* (6), JCS.1951, v.2, p.73.

91. P.Meriggi, *La ricostruzione di Kargamis*, p.5, n.2; p.8.

92. П.Мериджи склоняется к чтению И.Гельба (*te-* вместо *ta-*) на основании этимологических соображений.

93. L, OC, p.140, n.33. - Относительно предполагаемого иероглифического хеттского *t(s)inas* 'бог' (которое можно было бы

Иероглифическое хеттское $t(a!/\epsilon/i)\text{at}(a)$ 'бог солнца' очень близко к лув. $ti\text{at}$ - 'бог солнца' и клинописному хеттскому $\text{ši}\text{at}$ - 'день'. Как показывает сравнение этих слов, данная основа была общей для древних индоевропейских языков Малой Азии, что свидетельствует о ее большой архаичности.

Поэтому следует обратить особое внимание на оставшееся до сих пор незамеченным наличие родственной именной основы в древнеиндийском языке. Представляется, что общепанатолійская основа на $*-t-$ (сдвоенное написание в хеттском указывает на глухость согласного), образованная от $*diu-$, имеет точное соответствие в др.-инд. $dyut$ 'сияние'. Как отмечалось выше, в хеттских текстах встречается имя бога $a\check{\text{š}}u-\text{ši}\text{at}$ - 'благой (= хороший) день'; учитывая этимологическую связь древнехеттских сложных слов с компонентом $a\check{\text{š}}u-$ 'хороший' и древнеиндийских сложных слов с компонентом $su-$ 'хороший', нельзя не обратить внимание на исключительную близость хет. $a\check{\text{š}}u-\text{ši}\text{at}$ 'благой день' и др.-инд. $su-dyut$ (встречается в I мандале "Ригведы": Ṛg-Veda , 140,1; 140,3). В древнеиндийском существительном женского рода $dyu-t$, соотносящемся с dyu 'небо', 'день', 'сияние' и с производными от $dyu-$, например $dyu-mnā$, выделяется суффикс $-t-$, который следует отождествить с суффиксом $-t-$ в многочисленных древнеиндийских отвлеченных существительных женского рода. Точно так же суффикс $-att-$ в общехеттско-лувийском $*diu-att$ (общий род), выделяемый благодаря сопоставлению $siu-: \text{šiu-na-: } \text{šiu-att-}$, следует отождествить с хеттским суффиксом $-att$ ⁹⁴, образу-

сопоставить с клинописным хеттским šiu-na-) ср. P. Meriggi, *Zum Luvischen*, WZKM, LIII, 3/4, 1957, S. 195, Anm. 9.

94. Принадлежность хет. $\text{ši}\text{at}$ - к числу абстрактных существительных на $-att-$ отмечали еще А. Гётце и Х. Педерсен [*A. Götze - H. Pedersen, MS, S. 73*]; ср. H. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, S. 175-176. Но А. Гётце и Х. Педерсен не отметили наличия точного соответствия данному образо-

щим отвлеченные имена существительные общего рода (*kartimiḷatt-* 'гнев', *aniḷatt-* 'действие', *naḷṣaratt-* 'страх', *duḷgaratt-* 'радость' и т.п.). Для уяснения морфологической структуры хет. *ṣiḷatt-* особенно поучительно сравнение с хет. *aṣṣiḷ-att-*. Оба хеттских существительных, употребляемых в качестве имен богов (известных уже из каппадокийских таблесток) содержат суффикс *-att*; в то же время *aṣṣiḷ-att-* является отвлеченным существительным, образованным от глагола *aṣṣ-iḷa-* 'любить', так же как *kartimiḷatt-* 'гнев' образовано от *kartimiḷa-* и т.п. Таким образом, связь между др.-инд. *dyu-t-* и отвлеченными существительными типа др.-инд. *stut-* 'хвала' (от *stu-*) находит точное соответствие в связи между хет. *ṣiḷ-att* и отвлеченными существительными типа хет. *kartimiḷ-att* (от *kartimiḷa-*). В этой связи следует указать на то, что, как установил еще К.Бругман, индоевропейское название "ночь" принадлежит к тому же типу существительных на **-(e)t-*, что и др.-инд. *stu-t*⁹⁵. Хеттский язык подтверждает правильность морфологического анализа **ne/ok^w-t-* 'ночь', так как в хеттском сохранился и корневой глагол *neku-* 'смеркаться' < **nek^w-*, и именная основа *neku-t-* 'вечер' **nek^w-t-*. Поэтому названия 'день' и 'ночь(вечер)' в хеттском языке оказываются образованными при помощи одного и того же суффикса **-et-*: *ṣiḷu-att* 'день' и *neku-t* 'вечер' (огласовка суффикса во второй основе ближе к обычному для древнеиндийского

ванию в древнеиндийском, что отрицательно сказалось на сравнительно-историческом рассмотрении суффикса *-att* в монографии Х.Педерсена [*H. Pedersen, Hittitisch, S.40*], где не указано соответствие хет. *-att* и др.-инд. *-t*, хотя и отмечается, что этот хеттский суффикс восходит к общеиндоевропейскому суффиксу **-t-*.

95. К. Brugmann, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, 3.426. См. о суффиксе **-et-* в существительных типа *stu-t* и *nos-t-* : А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.279.

языка типу). Согласно теории, принятой А.Мейе и многими другими компаративистами, суффикс *-t-* в словах типа др.-инд. *stu-t-* и и.-е. **ne/ok-*⁹⁶ *-t-* этимологически связан с *-t-*, которое следовало за суффиксом гетероклитического имени в словах типа др.-инд. *yak-r-t* 'печень', хет. *mel-i-t* 'мед'. Поскольку *-u-* в хет. *šiu-* и др.-инд. *dyu-*, как указывалось выше, восходит к древнему *-u-* гетероклитического существительного, *-t-* в основе *šiuatt-* < **tiuat-* и в др.-инд. *dyut-* по своей первоначальной функции полностью совпадает с *-t-* в *yak-r-t*.

В древнеиндийском языке наряду с основной *dyu-t* существует синонимичная основа *dī-ti* - от корня **dei-* без аффикса **-(e)u*; в "Ригведе" параллельно употребляются сложные слова *su-dyut* (хет. *aššu-šiuatt-*) и *su-dīti* 'хорошо сияющий'; 'хорошее сияние'. Поэтому исключительный интерес представляет предполагаемое Б.Розенкранцем лувийское имя бога солнца *^dDi-ti-i* (40 З/г, III, 9), синонимичное *tiuat*⁹⁷; с данным типом образования (на *-t*, но без аффикса *-u-*) может быть связано и палайское существительное *tiiat-* 'бог солнца', значение которого устанавливается благодаря сличению параллельных перечислений имен богов: *^dKataḥzipuri*, *tiiaz*, *^dilaliiant-* и *^dKataḥzipuri*, *^du t u*, *^dilaliiant-*⁹⁸.

96. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр.278-279.

97. См.: В.Розенкранц, *Der luwische Name des Sonnengottes*, s.251. - На наличие параллелей в древнеиндийском Б.Розенкранц внимания не обратил.

98. Благодаря привлечению лув. *diti* и др.-инд. *dīti* отпадает одно из возражений Х.Оттена [Н.Оттен, *Zur grammatikalischen* ...s. 51-52, Anm. 148] по поводу интерпретации данного палайского слова Э. Ларошем (Х.Оттен считал непонятным различие между палайской и хеттско-лувийской основами). Следует заметить,

Следует отметить, что в данном случае палайский язык, сохранивший древнее значение основы *tīāz-* 'бог солнца', испытал меньшее влияние языка хатти, чем хеттский язык (хотя в других случаях именно в палайском наблюдается особенно сильное влияние хаттского языка)⁹⁹. Значение же хет. *šīuatt* < **tīuatt*- изменилось потому, что в значении 'бог солнца' в хеттских текстах обычно употребляется слово более позднего происхождения *išta-*ни(š), являющееся заимствованием из языка хатти (хат. *eštan*¹⁰⁰). Сравнение хеттского языка с лувийским в данном случае показывает, что сфера употребления исконного общехеттско-лувийского слова (образованного от индоевропейского корня) в хеттском языке изменилась вследствие проникновения в хеттский язык заимствования из языка хатти, что было связано с воздействием на религию носителей хеттского языка "протохеттской" религии (ср. выше о заимствовании из "протохеттского" языка слова *tešša-/zašši-* 'сон' и о значении этого факта для изменения роли производных от индоевропейского корня **awer-* в хеттском).

Необходимо подчеркнуть, что хаттское влияние сказалось только в утрате специального значения слова *šīuatt-* 'бог солнца'. Но если в языке хатти *eštan* имеет не только религиозное значение

что Х.Оттен, высказывавший в названном сочинении некоторые сомнения относительно значения палайского *tīāz*, в указанной выше статье [*"Hethitisch und Indogermanisch"*, 3.329] принимает толкование Э.Лароша без оговорок, как и И.Фридрих в своем словаре. Fr, HW, S.195,328; ср. так же: Kammenhuber, *Beobachtungen zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe*, RHA, XIV, 58, 1956, S.6.

99. О хаттском влиянии на палайский язык см.: A.Kammenhuber, *Zu den altanatolischen Sprachen*, OLZ, 1955, n.8-9, S.355 ff; A.Kammenhuber, *Beobachtungen zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe*, S.5.

100. О хаттском *eštan* см.: L, HD, p.198; ср. по этому поводу замечания Х.Оттена [*H.Otten, Zur grammatikalischen...* S.52].

'бог солнца', но и значение 'день'¹⁰¹, то в хеттском заимствованное *ištanuš* употребляется только как название бога солнца, а в значении 'день' используется исконное слово *šiqatt-*. Следовательно, хаттское влияние в данном случае обнаруживается только в области религиозной лексики. С изменением значения и употребления основы *šiqatt-* в хеттском языке следует связать и изменение рода этого имени существительного. В лувийском языке существительное *tiqat* 'Солнце (бог)' несреднего (общего, одушевленно-го) рода: им.пад. *tiqat-s* = *tiqas* (к несреднему роду принадлежит и др.-инд. *dyat*). Род этого существительного соответствовал характерным для лувийской религии представлениям, как явствует из сочетания *tatiš ditiqas* 'отец - бог солнца'¹⁰² (Кув, XXV 107, III, 10 - дат.пад.ед.ч.; Кув, XXXV 68, I, 6 - им.пад.ед.ч.). В хеттских текстах встречается аналогичное выражение¹⁰³ *attaṣ dū t u-uš* 'отец - бог солнца', но в этом хеттском выражении в качестве имени бога солнца общего рода употребляется хаттское

101. См.: НВ, раздел "Wörter der Nachbarsprachen. I. Proto-hattische Wörter", s.v. *eštan*.

102. Ни Х.Оттен [H. Otten, Zur grammatikalischen..., S. 51-52] и Б.Розенкранц [B. Rosenkranz, Der luwische Name des Sonnengottes, S. 250-251], рассматривая данное лувийское словосочетание, не отметили его связи с родом существительного *tiqat-*, между тем это очень важно для сравнения с хеттским.

103. Параллелизм хеттского и лувийского словосочетаний отмечен Х.Оттен [H. Otten, Zur grammatikalischen..., S. 51, Anm. 143], но Х.Оттен обратил внимание лишь на сходные черты хеттского и лувийского, тогда как в данном случае не меньший интерес представляют и различия между этими близкородственными языками. Ср. также сочетание *dieuš* с названием "отец" **petar* в других индоевропейских языках: греч. Ζεῦ πάτερ, др.-инд. *pitā dyauh*, лат. *Iuppiter*, умбрск. *Iupater*.

заимствование *Ištanuš* (идеограмма ^dУ Т У-uš). В тех случаях, когда *šiuatt-* употребляется в значении 'бог дня', близком к значению лувийского *tiuat-*, род этого хеттского существительного сохраняется, ср. приведенную выше форму винительного падежа единственного числа *šiuattan*. Но в других, несравненно более частых случаях, когда *šiuatt-* употребляется в значении 'день' (идеограмма У D, У D.K A M) наблюдаются колебания между общим и средним родом, ср. параллельные формы именительного падежа единственного числа У D-aš (общий род) и У D-at (средний род), винительный падеж единственного числа У D.K A M-an (= ^d*šiuattan*, общий род) и У D-at.

Исследование истории производных от ^š*diu-* в хеттском языке подтверждает вывод, сделанный на основании исследования судьбы слов, восходящих к корням ^š*wer-* и ^š*ses-*: хеттский язык сохранил многие индоевропейские элементы словаря, но их употребление и значение в ряде случаев изменялось в связи с воздействием на хеттский язык древних индоевропейских языков Малой Азии, в особенности языка хатти.
